

КАК УЗНАТЬ, СЛЫШИТ ЛИ БОГ НАШИ МОЛИТВЫ

На вопросы отвечает свящ. Георгий Кочетков

— Вы говорите, что для верующего человека случайностей в жизни не бывает. А для неверующего они есть? И что тогда есть в жизни, если нет случая?

О. Георгий Кочетков: Да, это так: для верующего человека случайностей не бывает — ведь он находится под попечительством промысла Божьего, Божьего замысла, Божьего водительства. В жизни же неверующего человека случайности бывают, потому что он не находится под этим покровом благодати. Есть очень много сил, которые образуют судьбу человека; и для неверующего человека она может быть подвержена в том числе воздействию иногда счастливого, иногда несчастливого случая. Зло мира сего агрессивно, и оно может затронуть своей бессмысленностью любого человека.

Иногда и верующие люди говорят о своей жизни как о судьбе, но имея в виду другое — единственность, уникальность реально сложившегося пути, а это не то же, что понятие фатума в описании жизни неверующего человека.

— Когда Христос пришёл к иудеям, то они Его отвергли, не узнали. А если бы Христос сейчас пришёл к нам — Его бы приняли наши священники, наша церковь?

О. Георгий: Это трудный вопрос. Попытки представить себе это в XIX и XX веке совершались не однажды, они описаны в литературе, начиная с Легенды о Великом Инквизиторе. Там прямо говорится, что Великий Инквизитор не только не принимает Христа, но его прямо отвергает, встаёт на сторону Антихриста. Есть и фильмы, где показывается, насколько удалась реальная жизнь христиан, даже в так называемых христианских странах, от подлинного христианства. Для иллюстрации этого часто используют именно такой сюжет — Хри-

Фрагмент мозаики «Моление о чаше». XIII в.
Собор Святого Марка в Венеции

стос приходит, но Его никто не узнаёт и не признаёт, потому что люди забыли, что значит жить в духе Христовой любви и духе Христовой жизни. Номинальное христианство слишком сильно диссонирует с христианством апостольским, с верой и жизнью Самого Христа. Это действительно большая проблема. Но её нужно скорее понимать в плане духовно-нравственном. Всегда в церкви есть люди, которые знают Христа, а значит и узнают Его. И, к сожалению, всегда есть люди, которые и не знают Его, и не узнают. И то, и другое касается всех сторон церковной жизни, всех членов церкви, а не только церковной структуры и иерархии.

— Как узнать, слышит ли Бог наши молитвы, доходит ли они до Него?

О. Георгий: Есть внутреннее свидетельство и внешнее свидетельство. Внутреннее свидетельство — это прежде всего свидетельство совести, сердца, ума, свидетельство жизни. Внешнее свидетельство — это свидетельство дел, происходящих событий, того, как складываются обстоятельства. Всё это очень значимо. Для нас важно быть уверенными в том, что Господь слышит наши молитвы — иначе зачем их приносить? Мы не путаем христианскую молитву с неким аутотренингом или психотерапевтическим воздействием на себя или на окружающих. Поэтому мы понимаем, что главное, конечно, не в том, чтобы просто получить в результате молитвы некоторое чувство духовного умиления, удовлетворения, даже духовной радости, или очищения, катарсиса. Для нас важно знать, что именно Господь воздаёт благодатью молящемуся, исправляет путь его жизни и создаёт такие обстоятельства, которые позволяют ему выявить своё христианское призвание, осуществить свою христианскую миссию в этом мире.

Тот день начался, как обычно. Закончив обход больных в своих палатах, врач-невролог Нина Сергеевна Н. направилась в ординаторскую. И тут заметила, что в коридоре у окна, вглядываясь в проходящих мимо людей и явно кого-то поджидая, стоит терапевт из соседнего отделения Татьяна Игоревна К., слышавшая среди коллег особой, весьма неприятной в общении. Но не успела Нина задаться вопросом, чем бы мог быть вызван ее визит и к кому б она могла прийти, как Татьяна Игоревна решительным шагом направилась к ней. Прижав Нину к стене и подозрительно озираясь по сторонам, она громко зашептала:

— Слушай, у тебя, случайно, нет канона о самоубийцах?

И, заметив растерянность на лице Нины, поспешила пояснить:

— Ну, того канона, который читают по самоубийце. Нигде не могу его найти. Может, у тебя есть? Я с него сделаю копию и сразу же верну. Он мне очень нужен. И чем раньше, тем лучше. Можно сказать, от этого зависит моя жизнь.

В юности Нина очень любила читать романы. Особенно те, которые изобиловали всевозможными тайнами и приключениями. Потому что, к сожалению, а, возможно, и к счастью, в ее собственной жизни ничего этого не было. Но, хотя увлечение романами давно уже миновало, сейчас на Нину вновь повеяло терпким ароматом некой зловещей тайны, словно сошедшей со страниц тех, полузабытых ею, книг. В самом деле, с чего бы это вдруг ее коллеге срочно понадобился «канон о самовольные живот свой скончавшем»? И почему от этого зависит ее жизнь? Ей было ясно лишь одно — Татьяна Игоревна на самом деле для чего-то крайне необходимого текст этого канона. Иначе бы она не решилась обратиться к человеку, с которым была в соре уже три месяца. То есть к ней, к Нине.

Они знали друг друга много лет. Еще с тех пор, когда вместе учились в мединституте. И, можно даже сказать, дружили. По крайней мере, у замкнутой и неприветливой Татьяны Игоревны никогда не было знакомых ближе, чем Нина. А все ее интересы до недавнего времени сводились к работе, хождению по магазинам, просмотру телесериалов да чтению женских рома-

нов, которые она «проглатывала» один за другим, не запоминая содержания. В отличие от Нины, к вере она относилась равнодушно. Или, судя по ее язвительным насмешкам над религиозностью подруги, даже враждебно. Однако после того, как год назад Татьяне Игоревне, с юности не отличавшейся крепким здоровьем, пришлось пройти обследование в онкологическом диспансере, она, ко всеобщей неожиданности, крестилась. После чего изменилась до неузнаваемости. Особенно с тех пор, как четыре месяца назад стала ходить в Рождественский храм, настоятель которого, о. Виктор, слыл строгим подвижником, «яко един от древних отцев». И его прихожане, по известной поговорке, стремились походить на своего батюшку. Неудивительно, что Татьяна Игоревна, став духовной дочерью о. Виктора, тоже принялась вести поистине подвижническую жизнь. Так что если раньше она, по примеру многих сверстниц и коллег, тщательно следила за своей внешностью, стремясь как можно дольше «притворяться молодой», то сейчас, без косметики и украшений, в темной одежде, с гладко зачесанными назад седыми волосами, собранными в пучок на затылке, и скорбно поджатыми губами выглядела намного старше своих лет. И в сумке ее вместо очередного романа теперь всегда лежал пухлый молитвослов со множеством закладок. С ним соседствовала майонезная баночка с винегретом или картошкой, поскольку после крещения Татьяна Игоревна стала строгой постницей. Так что во время обеда ела отдельно от других врачей, считая грехом даже сидеть за одним столом с неверующими и не постящими. Разумеется, она много раз гневно обличала и поучала своих коллег, надеясь обратить их ко благочестию. Но добились лишь того, что перессорилась с ними. А напоследок — и с Ниной, когда та отказалась перейти из собора, куда ходила уже лет десять, в Рождественский храм. В итоге Татьяна Игоревна, обвинив подругу в неуважении к о. Виктору, перестала с ней общаться, и даже при случайных встречах делала вид, что не замечает ее. Так что, если после этого она решила обратиться к

Нине за помощью, значит, с ней явно случилась какая-то беда. Вот только что же с ней произошло?

Впрочем, Нина не стала приставать с расспросами к своей бывшей подруге. А просто пообещала поискать дома нужный ей канон. И, если он найдется, дать его Татьяне Игоревне.

Тем не менее, Нине все-таки хотелось узнать, зачем ей мог понадобиться канон, читаемый по самоубийце. Вдобавок, она не была уверена, есть ли он у нее самой. Именно поэтому, придя домой, она сразу же принялась рыться в своих книгах. И наконец отыскала текст этого канона в одном из молитвословов. Теперь оставалось лишь отдать книгу Татьяне Игоревне. Вот только сделать это можно было не раньше понедельника. То есть через два дня. Потому что завтрашний субботний день Нина, по давней привычке, собиралась посвятить стирке, уборке и тому подобным хозяйственным делам. Конечно, оставалось еще воскресенье. Но, как уже говорилось, они с Татьяной Игоревной ходили в разные храмы. И Нина настолько привыкла к собору, что, к чему таить, ей было совсем не по душе идти на воскресную Литургию в другой храм. Даже ради благого дела...

Однако ее все больше одолевало любопытство. В самом деле, с чего бы Татьяна Игоревна так стремилась заполучить этот канон? Может быть, он нужен кому-то из ее знакомых? Но вряд ли она стала бы так стараться для чужих людей. Да и какие могут быть знакомые у столь необщительной дамы, как Татьяна Игоревна... Если же он нужен ей самой, то по ком она собирается его читать? Ведь ее родители умерли своей смертью. Кто же тогда этот таинственный самоубийца? А что если это человек, который когда-то любил Татьяну Игоревну, но был отвергнут ею? И, вынеся этого, наложил на себя руки. Теперь же она, не выдержав угрызений совести, собирается замаливать грех, который он совершил по ее вине. Нина знала много подобных историй... из романов, читанных ею в юности. Вот только поче-

му ее бывшая подруга сказала, что от того, удастся или нет ей достать текст канона, зависит ее собственная жизнь? Тогда счет времени для нее может идти уже не на дни, а на часы. Но если Нина привезет ей книгу только в понедельник, или даже в воскресенье, то успеет ли она вовремя помочь Татьяне Игоревне? А в том, что той действительно нужна помощь, Нина теперь не сомневалась.

В итоге спустя полчаса она уже звонила в дверь квартиры, где жила ее бывшая подруга.

Судя по тому, что в её окнах горел свет, она была дома. Однако напрасно Нина, стоя на полуметровой лестничной площадке, то нажимала на кнопку звонка, то прислушивалась в надежде уловить хоть какой-то звук за дверью. В квартире Татьяны Игоревны царил мертвая тишина. И тогда Нина поняла, что опоздала. С ее подругой уже случилось нечто страшное и непоправимое. Причем по ее вине... В полном смятении она стала спускаться по лестнице, на ходу пытаясь сообразить, что же теперь ей остается делать. Как вдруг за ее спиной вспыхнул свет. Нина резко обернулась — и от неожиданности едва не скатилась вниз по бетонным ступенькам. В ярко освещенном дверном проеме стояла Татьяна Игоревна.

Да, это была она. Живая и невредимая. Но даже не это удивило Нину. А то, что, судя по выражению лица ее бывшей подруги, она вовсе не обрадовалась ее приходу. Напротив, была раздосадована. И даже не собиралась скрывать этого.

— Прости Христа ради, — прошептала Татьяна Игоревна, смиренно опустив глаза. — Просто батюшка не благословляет нас отвлекаться от молитвы. А я как раз дочитывала правило. Но теперь ты уже можешь войти. Если, конечно, у тебя есть ко мне дело.

Едва переступив порог ее квартиры, Нина убедилась, что Татьяна Игоревна сказала ей правду. Потому что сквозь приоткрытую дверь в ее комнату была видна горящая перед иконами лампадка, а ниже, на тумбочке, служившей аналоем — раскрытый молитвослов, на котором лежали длинные черные четки, какими обычно пользуются монахи. Впрочем, и сама

Продолжение на с. 2

ДО ПОСЛЕДНЕГО СУДА

Продолжение. Начало на с. 1

Татьяна Игоревна, в длинном черном платье, с темным платком на голове, сейчас вполне походила если не на инокиню, то на послушницу. Нина не преминула сказать ей об этом — и ее бывшая подруга прямо-таки расцвела от радости. Да, она уже второй месяц по благословению о. Виктора молится по четкам и читает иноческое келейное правило. И собирается вскоре уйти в монастырь. Потому что наступили последние времена, так что спастись уже невозможно нигде, кроме как за стенами святой обители. А ведь на нее возложена обязанность замаливать не только свои, но еще и чужие грехи...

При этих словах Нина, как говорится, навострила уши. Однако Татьяна Игоревна, окончательно войдя в роль гостеприимной хозяйки, предложила ей разделить с нею трапезу. Или, проще говоря, выпить чаю. После чего пошла на кухню ставить чайник, оставив ее одну в комнате. Так что у Нины было достаточно времени, чтобы оглядеться вокруг.

С того времени, когда она последний раз побывала в этих стенах, многое здесь изменилось, причем до неузнаваемости. Вместо женских романов на полке теперь стояло объемистое «Добротолюбие», а также зачитанные «Житие и чудеса старца Сампсона» и книжка «Старец Антоний», из которых торчало множество закладок. Было там и еще десятка два других книг и брошюр, исключительно духовного содержания. Судя по их названиям, Татьяна Игоревна отдавала предпочтение жизнеописаниям современных старцев, а также книгам про чудеса и загробную жизнь. Вот и сейчас молитвослов на тумбочке соседствовал с толстым томом, озаглавленным «Доказательства существования ада», из которого торчала шариковая ручка. Впрочем, поодаль, под сероватой от пыли салфеткой, виднелась еще одна книжка. А именно — Новый Завет.

Над диваном, где прежде висел gobelen в рамке с изображением полунагой египтянки, обнимающей гривастого льва, теперь, словно на витрине церковной лавки, теснилось множество икон. Все они были новыми. Кроме одного образа, висевшего на самом верху, темного, с кое-где облупившейся краской. На нем был нарисован Спаситель. Только не таким, каким Его обычно изображают на иконах. Не с Евангелием в руке. И не на царском престоле. А со связанными руками, в терновом венце и багрянце. И хотя Нине прежде уже доводилось видеть подобные иконы, причем гораздо более искусной работы, ни на одной из них на лике Спасителя не было выражения столь безмерной скорби и муки... Так что ей вспомнились слова, сказанные Им Апостолам в Гефсимании: «...душа Моя скорбит смертельно; побудьте здесь и бодрствуйте» (Мк. 14, 34). Его мольба, которой у ты страшную ночь не вняли даже самые близкие Его ученики...

— Это икона моего прадеда, — сказала вошедшая в комнату Татьяна Игоревна, перехватив взгляд Нины. — Ее нашли у него в шкафу после того, как он умер. Вернее, отравился. Сам в ад пошел и всю свою семью погубил. Это из-за него и дядя Вася спился, и тетя Агния замуж не вышла. И в том, что я всю жизнь болею, тоже он виноват. Так мне и бабушка сказал: всех вас Бог за его грех наказал. И после этого я же еще его душу и отмаливать должна! Ведь из всей его родни только и остались, что я да мамина младшая сестра Агния. А она, как всю жизнь верила в свой коммунизм, так до сих пор и верит...старая дура!

От стыда Нина была готова провалиться сквозь землю. Тоже мне, Анна Радклиф выискалась! Барбара Картленд! Это же угораздило ее придумать такую нелепую историю об отвергнутом женихе-самоубийце! Да еще и самой поверить в нее. После чего мчаться, сломя голову, на другой конец города. Хотя, оказывается, вполне можно было подождать понедельника! Не зря же говорят: «за дурной головой — ногам работа!» Вот к чему приводит чтение романов! А ведь на самом деле все намного проще — в свое время прадед Татьяны Игоревны покончил с собой. А теперь она, по благословению о. Виктора, собирается читать по нем канон «о самовольне живот свой скончавшем». Вот

и все. И ничего загадочного тут нет.

Однако Нине не верилось, что православный человек решился наложить на себя руки, тем самым обрекая свою душу на вечную погибель. Может быть, он умер, что называется, «при невыясненных обстоятельствах», так что его сочли самоубийцей. Но был ли он им на самом деле?

— Увы, здесь нет никакой ошибки, — вздохнула Татьяна Игоревна, когда Нина поделилась с ней своими сомнениями. — Он действительно покончил с собой. У мамы хранились кое-какие его документы. В том числе и свидетельство о его смерти. Я сама его однажды видела. И там было написано, что он отравился. Сейчас я попробую найти те бумаги. Кажется, я их не выбросила во время последнего ремонта...

Она долго рылась на антресолях, пока, наконец, не извлекла оттуда серый клеенчатый школьный портфельчик. После чего, усевшись на диван вместе с Ниной, принялась перебирать его содержимое. Там было свидетельство о рождении Татьяны Игоревны, а также дипломы и свидетельства о смерти ее родителей, инструкции к швейной машинке, к стиральной машине «Ока», к радиолу «Маяк» и электробритве «Харьков». Было несколько сложенных вчетверо похвальных грамот, поздравительные открытки советских времен, талоны на продукты, пара акций компаний «МММ», старый лотерейный билет... одним словом, все, что угодно, кроме того, что они искали. Но, когда в руках у Татьяны Игоревны оставалось всего лишь несколько пожелтевших от времени бумаг и бумажек, из них с глухим звоном вдруг выпал на пол какой-то маленький, черный предмет. Нина успела поднять его первой. Это был старый, весь покрытый окисью, серебряный крестик.

Вслед за тем Татьяна Игоревна протянула ей наконец-то нашедшееся свидетельство о смерти своего прадеда. В нем значилось, что Павлушков Дмитрий Иванович, 62 лет, умер 3 ноября 1937 г. И указана причина смерти — отравление морфием. То есть, самоубийство.

— Он работал врачом в больнице, — пояснила Татьяна Игоревна. — Поэтому и смог достать морфий. В какой именно? Мама говорила, что в больнице ГУЛАГА, где лечили заключенных из здешних лагерей. А он там был фтизиатром*. Хотя о каком лечении туберкулеза могла идти речь в те времена! Самому бы не заболеть. Поэтому мало кто из врачей стремился пойти туда работать. Правда, мама рассказывала, что там он очень хорошо получал. Куда больше, чем раньше, когда работал в амбулатории. Да там еще и продуктовый паек давали. А когда он туда перешел, его дочь, то есть нашу бабушку, взяли работать учительницей музыки в лучшую городскую школу. Как бы теперь сказали, в элитную. Там же учились ее младшие дети, сын Вася и дочь Агния. Пока ему не взбрело в голову наложить на себя руки. Тогда бабушку сразу уволили, а ее детей перевели в другую школу, где училась всякая шантрапа. Представляешь, какой это был удар для всей семьи! И все по его вине! Правда, как только о нем заходила речь, мама сразу заявляла: «о мертвых — либо хорошо, либо — ничего». Она его всегда защищала. Потому что в то время, когда все это случилось, она давно уже работала и замужем была. Вот и не пострадала, как все остальные.

— А что это за крестик? — полюбопытствовала Нина.

— Когда его нашли мертвым, этот крестик был на нем, — ответила Татьяна Игоревна. — По крайней мере, так рассказывала мама. Разумеется, его сразу же сняли... А позже в гардеробе, за одеждой, обнаружили и икону (она подняла глаза к образу Спасителя в терновом венце). Мама не дала их выбросить. У нее были и еще кое-какие его вещи: деревянный стетоскоп, портсигар, пара запонок. Еще тетрадка была — то ли его дневник, то ли какие-то записки. А в нее разные бумаги вложены. Я только одну видела: не то письмо, не то заявление, с просьбой улучшить питание и условия содержания больным туберкулезом... Чтобы снизить их смертность. Кажется, так. Ума не приложу, зачем мама так дорожила всем этим хламом? После ее смерти я его сразу же выбросила.

Тем временем Нина заметила среди ос-

тавшихся еще не разобранными бумаг надорванный конверт, из которого торчал краешек какой-то фотографии. Похоже, старинной. И не ошиблась. Судя по тисненой золотом надписи внизу, снимок был сделан в известной городской фотомастерской. Поскольку он выглядел, как новый, было ясно, что прежние хозяева бережно хранили его. На нем был изображен священник, на вид лет сорока или чуть старше. С темными глазами, пристально глядевшими из-под мохнатых бровей, с пышной гривой от тронутых сединой волос и небольшой окладистой бородой. Но за его красивой, картинной внешностью угадывалось нечто куда более важное и значимое: ум, сильная воля и тот душевный мир, что отличает людей глубокой веры. Сзади имелась надпись, сделанная черными чернилами: «на молитвенную память другу Мите П. от протоиерея Феодора Адрианова. 10 сентября 1917 г.»

Для Татьяны Игоревны эта находка стала полной неожиданностью, хотя совершенно не заинтересовала ее. Поэтому она предложила Нине взять фотографию себе. Правда, в обмен на принесенную ею книжку с каноном. И была очень довольна столь выгодным для себя обменом.

Что же до Нины, то все эти рассказы и находки убедили ее в том, что эта давняя история полна тайн и загадок. Правда, теперь не оставалось сомнений — прадед Татьяны Игоревны действительно покончил с собой. Вот только почему он это сделал? Нет ли тут связи с тем письмом, в котором он просил начальство улучшить условия содержания заключенных в лагерной больнице? И эту просьбу потом вменили ему в вину... Или причина была какой-то иной? Тогда что же могло заставить верующего человека совершить самоубийство? Ведь старый врач явно верил в Бога. Иначе бы он не держал дома икону и не носил бы крестик. В те богоборные времена на такое мог решиться лишь верующий человек. Да и вряд ли атеист стал бы хранить у себя фотографию священника. Разве только в одном случае: их дружба была настолько крепкой, что революция и все следовавшие за ней перемены в стране не прервали ее. Причем, судя по дарственной надписи на фотографии, она началась еще в детские годы. Так что для о. Феодора Дмитрий Иванович навсегда остался «другом Митей»... Дружба этих двух людей прервала лишь смерть одного из них. Но кто же умер первым?

Вдобавок, чем дальше Нина вглядывалась в лицо священника с фотографии, тем больше оно казалось ей знакомым. Словно раньше она уже где-то видела его. Однако «обжегшись на молоке, дуют и на воду». И память о недавнем конфузе была еще слишком свежа, чтобы в очередной раз строить домыслы и догадки. Так что Нина решила, что куда разумнее будет встретиться с единственной оставшейся в живых родственницей врача Дмитрия Павлушкова, которая знала его лично. А потому могла пролить свет на тайну его смерти. А именно — с его младшей внучкой, Агнией Васильевной.

На эту встречу Нина возлагала очень большие надежды. Не подозревая, насколько обманется в своих ожиданиях.

Встретиться с Агнией Васильевной оказалось отнюдь не так просто, как поначалу представлялось Нине. Ибо Татьяна Игоревна отзывалась о своей родственнице крайне недоброжелательно. А потому не хотела и слышать о том, чтобы познакомиться с ней Ниной. Причем их вражда была вызвана не только, так сказать, идейными разногласиями. По словам Татьяны Игоревны, ее тетка всю свою жизнь ненавидела их семью. Особенно ее мать, приходившуюся Агнии Васильевне старшей сестрой. И началом этой вражды послужило как раз самоубийство их деда, Дмитрия Павлушкова, последствия которого сказались на всех его родственниках. Кроме старшей дочери, к этому времени уже ставшей взрослой и самостоятельной. В итоге, сколько та ни помогала матери и брату с сестрой, они никогда не простили ей того, что ей, по их мнению, жилось лучше, чем им. А впоследствии, перестав нуждаться в ее помощи, и вовсе порвали с нею отношения. Лишь много лет спустя, уже после смерти сестры, Агния Васильевна снизошла до общения с ее дочерью, Татьяной Игоревной. Возможно,

потому, что с годами она все больше нуждалась в медицинской помощи, а ее племянница как раз была врачом...

Неудивительно, что Нине пришлось долго уговаривать Татьяну Игоревну устроить их встречу. Вдобавок, найти для нее благовидный предлог. Поскольку, со слов племянницы, Агния Васильевна отличалась крайней подозрительностью, так что во всех незнакомых людях видела воров и убийц. Хотя как раз тут особых затруднений не возникло: старушка давно жаловалась на головокружения, шум в ушах и снижение памяти. А все эти симптомы были как раз «по части» невролога, каковым являлась Нина. Так что ее приход к Агнии Васильевне мог сойти за обыкновенный визит врача. Вдобавок, врача, настолько хорошо знакомого ее племяннице, что та доверила ему заботу о здоровье любимой тети.

Сначала все шло по намеченному плану. Нина осмотрела Агнию Васильевну. Причем очень тщательно. Потом успокоила ее, уверив, что не обнаружила ничего, угрожающего ее здоровью. Затем назначила ей лечение, подробно объяснив характер действия каждого из препаратов и даже записав на бумаге их название, дозировку, способ приема и его длительность. В итоге Агния Васильевна, которая поначалу исподлобья поглядывала на незваную гостью, изъявила желание угостить ее чаем. Следуя за старухой на кухню, Нина обернулась — и поймала удивленный взгляд Татьяны Игоревны. Похоже, Агния Васильевна не удостоивала подобной чести даже собственную племянницу...

Чай оказался настолько слабым, что, похоже, заварку уже неоднократно заливали кипятком. А из угощений на столе стояли лишь шербатое блюдо с засохшим вареньем и вазочка с твердокамеными пряниками. Однако благодаря Нине, догадавшейся захватить с собой рулет и коробку мармелада, эти деликатесы так и остались нетронутыми. Потому что даже подозрительная Агния Васильевна, убедившись, что принесенные гостьей продукты не отравлены, набросилась на мармелад, в одночасье опустошив половину коробки. И при этом жаловалась на обнаглевших чиновников и распоясавшихся бандитов, на то, что жизнь теперь стала совсем плохой, не то, что раньше, когда врагов народа расстреливали и оттого в стране царил порядок... А как перестали расстреливать, так не стало никакого порядка, и справедливости тоже не стало. Где же справедливость, если она, проработав всю жизнь, получает такую крохотную пенсию, что и на хлеб-то едва хватает? А молодежь сейчас пошла бессовестная, ей до стариков и дела нет... Ничего, сами когда-нибудь состарятся... как аукнется, так и откликнется...

Судя по тому, что, говоря все это, Агния Васильевна сердито косилась на свою племянницу, нетрудно было догадаться, кого она подразумевает под «бессовестной молодежью». Кажется, это понимала и сама Татьяна Игоревна. Потому что Нина заметила, как ее губы дрогнули... и тут же сжались сильнее обычного.

Тогда она решила, что пора вмешаться и разрядить ситуацию:

— Что Вы, уважаемая Агния Васильевна! У Вас такая чудесная племянница. Видите, как она о Вас заботится — вот и меня к Вам пригласила. И сама она замечательный врач. Наверное, этот дар у нее по наследству. Она говорила, что Ваш дедушка тоже был врачом...

Она не успела закончить фразу. Агния Васильевна вскопчила, смачнув на пол полупустую коробку, и с криком бросилась на Ниину:

— Я не хочу о нем слышать! Он сам во всем виноват! Он всегда думал о ком угодно, но не о нас! А тебе до него какое дело? Шпионка проклятая! А ну, убирайся отсюда, не то милицию вызову!

К счастью для Нины, Татьяна Игоревна успела заслонить ее собой. В следующую миг она, сорвав с вешалки куртку и платок и оцарапав руку о ржавую задвижку, уже выскочила в коридор. А вслед ей несся истошный крик разъяренной старухи:

— Это ты во всем виновата, дура богомольная! Зачем ты привела ко мне эту шпионку?!

Рассказ монахини Евфимии (Пашенко)

Продолжение в следующем номере

* Анна Радклиф — старинная писательница, сочинявшая «готические» романы. Барбара Картленд — автор современных любовных романов.